

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ БАИТОВСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ (ПОСЕЛЕНИЕ РЕВДА-6)

Поселение Ревда-6 на правом берегу Тобола состояло из наземных построек с малочисленной керамикой и инвентарем. Оно использовалось населением баитовской культуры для сезонного рыболовства и выпаса скота в VII–VI вв. до н. э. В конкретный временной промежуток эксплуатировалась только одна легкая наземная постройка с прилегающей хозяйственной зоной за пределами жилища. Сделан вывод о периодическом использовании участка береговой террасы одним семейно-родственным коллективом. Судя по близости керамики, он поддерживал связи с иткульской общиной, проживавшей в поселении Карагай-Аул-1 в 60 км севернее. В методическом аспекте анализ памятника показывает, что компрессия остатков нескольких эпизодов кратковременного обитания в один культурный слой дает ошибочное впечатление одного поселения большой площади.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ранний железный век, Западная Сибирь, баитовская, иткульская культуры, система расселения.*

The Revda-6 settlement consists from some ground buildings with poor cultural layer and few in number of ceramics and tools. This place was exploited by the Baitovo culture population for seasonal fishing and pasture in the VII-VI centuries BC at the Tobol river bank. Only one light ground shelter was used with the surrounding economical area outside the home in the concrete time interval. Author made the conclusion about periodical returning of the family group to this place over a number of years. Judging by the pottery, they maintained ties with the community who settled in Karagay-Aul-1 fortified settlement of the Itkul' culture 60 km to North. In methodical aspect this analyze of the site shows that compression of the some short-termed episodes inhabitation remains to one cultural layer gives erroneous impression of one settlement of a larger area.

KEY WORDS: *Early Iron Age, Western Siberia, Cultures of Baitovo and Itkul', of settlement system.*

Начальный период раннего железного века в западной части лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири все еще изучен недостаточно. Его более чем полувековое исследование после выделения В. Е. Стояновым сначала соответствующего типа памятников, а потом и археологической культуры в Тоболо-Ишимье [1969; 1970; 1975] привело к довольно обстоятельной характеристике ареала, локальных особенностей керамики, жилищ и их комплексов находок [Матвеева, 1989; *Habitats et necropolis...*, 2002]. Баитовская культура Притоболья VII–IV вв. до н. э. стала предметом исследования в кандидатской диссертации С. И. Цембалюк [2017], изучавшей начальный этап раннего железного века также по поселенческим материалам. Ей удалось установить речной тип расселения, наличие постоянных и сезонных поселений с разными видами жилищ (наземными и полуземляночными), превалирование в хозяйстве отгонного скотоводства с высокой долей лошади в стаде, показать разнообразие домашних ремесел [Там же, с. 10–11]. Укрепления продолжают оставаться малоизученными, а погребальный обряд по-прежнему неизвестен. Вопросы оценки уровня социально-экономического развития западносибирского населения лесостепи пока не обсуждаются в литературе ввиду недостатка качественных источников.

Обратим внимание на единичность городищ, воздвигнутых на высоких местах с целью контроля за прилегающими многокилометровыми территориями. Изучавшиеся небольшими раскопками Баитовское [*Habitats et necropolis...*, 2002], Усть-Терсюкское [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008] городища показали более насыщенный органикой и находками культурный слой, чем на пойменных стоянках. Различия в площади, инвентаре, длительности функционирования поселков, вероятно, отражают проживание общностей разного статуса. Рассмотрим этот вопрос на примере поселения Ревда-6.

Памятник в рельефе местности не был выражен и открыт в ходе раскопок курганного могильника Ревда-5 Н. П. Матвеевой в 2014 г. в Ялуторовском районе Тюменской области [Матвеева, 2016; 2018]. На нем цепочкой посередине узкого мыса, вдающегося в пойму правого берега р. Тобола и заросшего смешанным лесом, вытянуты 26 всхолмлений в широтном направлении на 200 м, высота их составляла 0,1–0,4 м, диаметр — от 4 до 10 м. Все они до раскопок рассматривались как курганы (см. рис. 1, А). Только самые малые из них, диаметром 5–6 м, оказались специальными погребальными сооружениями, остальные являются оплывшими наземными постройками, в середину которых введены поздние захоронения.

Раскопки велись одновременно на трех площадях поселения, из которых раскоп 1 в 316 кв. м был заложен на курганах 4, 9, 10, 11, расположенных в широтную цепочку на западной окраине мыса, с их межкуранным пространством. Раскоп 2 в 151 кв. м под прямым углом подходит к раскопу 1 на расстоянии 4 м на насыпях курганов 1, 2, 6. Раскоп 3 в 36 кв. м был заложен на кургане 13 восточнее. Возвышения на 20–30 см, не содержавшие могил,

но имевшие ямы и керамику раннего железного века под насыпями, названы наземными жилищами. Памятник оказался разнокультурным и содержащим захоронения бакальской и карымской культур внутри руинированных построек баитовской культуры или рядом с ними.

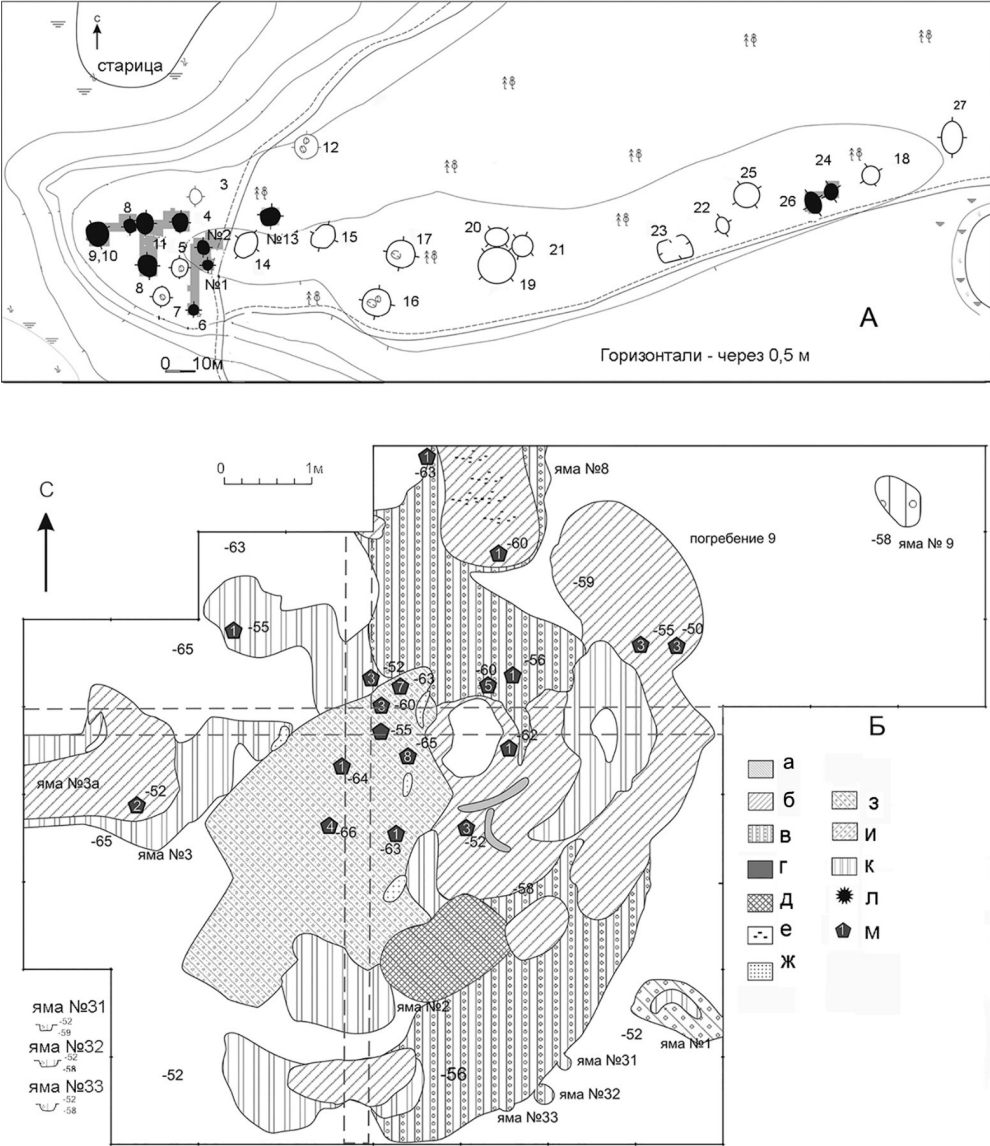

Рис. 1. Схематический план поселения Ревда-6 (А) и план остатков жилища в раскопе 1 (Б).

Условные обозначения: а — темно-серый песок; б — серый песок; в — серо-коричневый песок; г — черный углистый слой; д — проквал; е — вкрапления угля; ж — желтый песок; з — темно-серый мешаный песок; и — серый мешаный песок; к — светло-коричневый песок; л — индивидуальные находки; м — керамика с указанием количества

Рис. 2. Ревда-6. Вид на остатки жилища в раскопе 1 с юго-запада

Объект, обозначенный как курган 9, занимал стрелку мыса на самой западной окраине могильника (см. рис. 1, А). Имел диаметр 8 м, высоту около 40 см. Под его насыпью из серого песка оказался серо-коричневый песок от завалинки вокруг жилища, еще ниже — светло-коричневый песок от раннего периода обитания. За пределами насыпи слой поселения раннего железного века покрывает только серая лесная почва, напластования тонкие (0,1–0,2 м) и составлены двумя прослойками: это серо-коричневый и светло-коричневый песок. В северной стенке раскопа также слой серой лесной почвы толщиной 10–12 см покрывает серо-коричневый тонкий слой, выклинивающийся до 2–8 см. Здесь зафиксирован кусочек дважды задерновывавшейся площадки первый раз — после забрасывания жилища, второй — после введения могилы в приподнятую площадку от развала постройки.

В начале раскопок в середине всхолмления обнаружилась серия темно-серых пятен от могильных ям. Окружавший их серо-коричневый и коричневый песок образовал не вполне правильную подпрямоугольную конфигурацию. Западный угол не зафиксирован, поскольку стрелка мыса имела уклон, и здесь выравнивание поверхности под пол жилища не понадобилось. Кроме того, западная граница жилища скрыта центральным погребением (см. рис. 1, Б). Судя по размерам восточной части серо-коричневой линзы, примерная ширина ранней постройки была 4,5 м, а длина — 6 м. Выход ее мог быть направлен к старнице на север, так как был отмечен выступ этого слоя в виде прямоугольного коридора шириной 0,9 м и длиной до северного борта — 1,5 м, попорченный поздней ямой. Полагаем, что ямы из поселенческого слоя маркируют контуры

сооружения раннего железного века с юго-востока. Речь идет о столбах № 4, 5, 6 диаметром 20–30 см и глубиной от 26 до 32 см, в которых сохранились остатки древесины, вероятно, от рамы свето-дымового отверстия. Столбы № 31, 32, 33 диаметром от 18 до 23 см, глубиной в материке 6–7 см (см. рис. 1, Б) приурочены к стенкам небольшого котлованчика (глубиной 0,13 м от уровня материка) квадратной формы размером 2,6×2,5 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ, рассматриваемого нами как наиболее углубленная часть постройки вследствие активного использования (см. рис. 2).

Отмечен прокол прямоугольной формы размером 1,5×1 м, а рядом яма № 2 с керамикой раннего железного века, в северо-восточном секторе раскопа были крупные обломки иткульского сосуда с декором взаимопроникающими треугольниками, выполненными змейчатым штампом (см. рис. 3, А).

Таким образом, под курганом 9 располагалось легкое наземное жилище раннего железного века прямоугольной формы размером около 4,5×6 м, в расплывшуюся и задерновавшуюся присыпку завалинки которого были впущены могилы. Постройка может быть отнесена к началу раннего железного века. Наряду с баитовскими черепками в ней найден неполный сосуд (представленный обломками горловины и тулова), имеющий декор змейчатым прокатанным штампом в виде взаимопроникающих треугольников и сдвоенными треугольными ямками по верхнему краю (см. рис. 3, А), венчик на переходе к плечу утолщенный. Это характерные черты ранней керамики иткульской культуры, воспринятые от гамаюно-каменогорской культуры и лозьвинского типа памятников переходного периода от бронзы к раннему железному веку, что указывает на примерное время комплекса около VII–VI вв. до н. э. [Бельтикова, 1977, с. 125, рис. 14].

К югу от раскопанного объекта стратиграфия оказалась единообразной с другими участками пространства памятника: дерн сменяется серым песком, под ним идет коричневый песок, постепенно высветляющийся за счет промывного режима почвы до светло-коричневого. Материк — грязно-желтый песок. Все слои залегают горизонтально. Обнаружилась серия округлых и овальных ям разных размеров с серо-коричневым и мешаным заполнением. Вокруг них оказались рассеянными раздавленные горшки. Причем следует отметить, что на горизонте –15 ... –25 см развалов средневековой керамики и черепков в целом значительно больше, а на нижележащем горизонте –30 ... –40 см бакальская керамика единична, преобладают мелкие черепки раннего железного века, распределяющиеся бессистемно. Это обломки банок и широкогорлых горшков из запесоченного теста, толстостенные, шероховатые на ощупь, с прямым бортиком, украшенные жемчужинами или ямками вдоль бережка, поясом треугольных наков или наклонных отпечатков гребенчатого штампа по плечу (см. рис. 4, Б). Среди черепков баитовских горшков обнаружены два лепных пряслица, из которых одно целое, декорированное гребенчатым солярным узором (см. рис. 3, Б), две створки от литейной формы для кельта из грубого запесоченного теста (см. рис. 3, В). Получается, что хозяйственные занятия велись на воздухе.

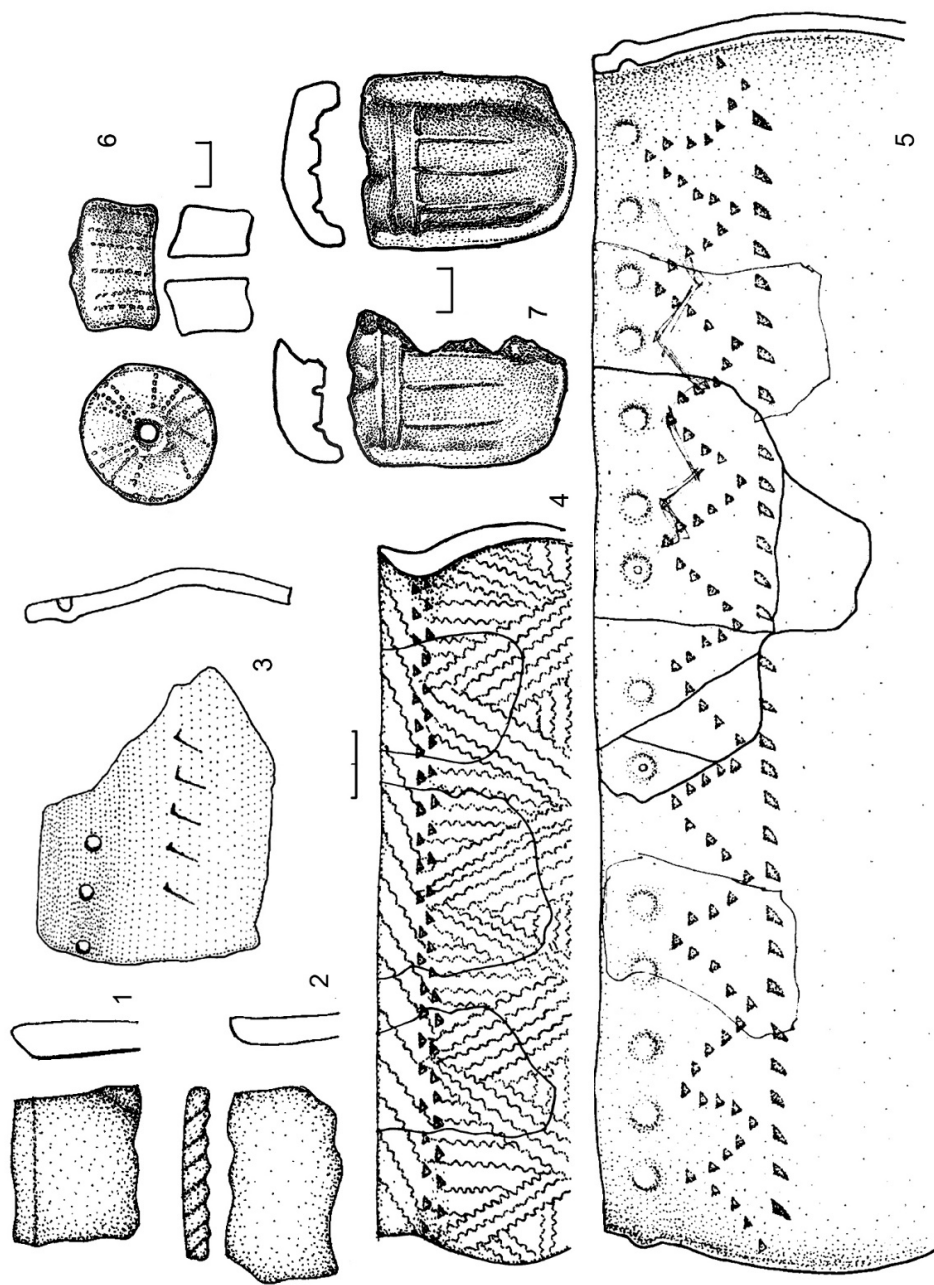

Рис. 3. Ревда-6. Инвентарь раскопов 1 и 2: 1-5 — раскоп 1; 6, 7 — раскоп 2. Глина

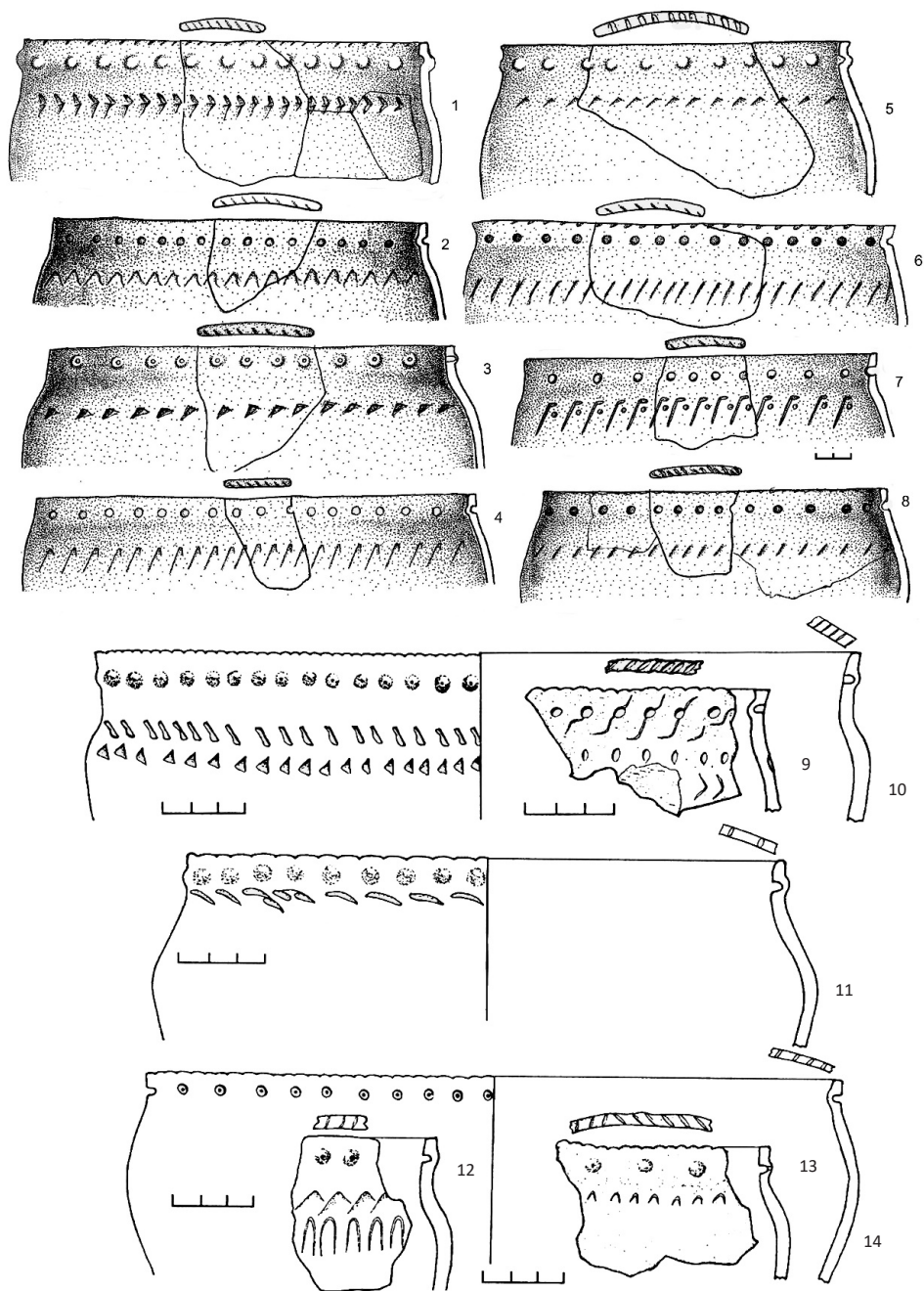

Рис. 4. Ревда-6. Керамика из раскопа 2 (1–8) в сравнении с керамикой городища Карагай-Аул-1 (9–14)

В раскопе 2 видимые в рельефе возвышения оказались остатками жизнедеятельности населения раннего железного века, но и они содержали ран-

несредневековые захоронения, причем в отчетливо заметных понижениях между всхолмлениями. Возвышенная на 10 см площадка 2 диаметром 9 м, первоначально принятая за курган, образовалась на месте наземного жилища баитовской культуры, о чем свидетельствует серия фрагментов керамики. Они от запесоченных сосудов с высокой прямой шейкой, украшенной жемчужинами или ямками и наколами, бортик их всегда прямой, насеченный тем же орнаментом. В разрезе культурного слоя на данной площадке под дерном шел светло-коричневый песок толщиной 15–30 см — отложение раннего железного века, которое повсеместно подстилается материковым грязно-желтым песком с разводами ортзандов. Крупные ямы вдоль края площадки 2 глубиной до 0,7 м образуют дугу, что характерно для остатков наземных жилищ, из крупных углублений по периметру которых брали землю для присыпки наклонных стен. Они также содержали в заполнении баитовские черепки из сильно запесоченного теста с декором из жемчужин и уголкового штампа.

В раскопе 3 погребение 3 прорезало культурный слой наземного квадратного жилища, состоявший из двух прослоек: серо-коричневого песка в ямах и светло-коричневого песка от развала подсыпки стен (см. рис. 5). Его размер по контурам светло-коричневого песка может быть определен как 5×5 м (см. рис. 5, А). На уровне материка серо-коричневый песок являлся основным заполнением больших ям № 3, 4, 6, 7 с единичными черепками в их заполнении (см. рис. 5, Б).

Инвентарь поселения крайне малочисленный. Пряслица лепные цилиндрические — 2 единицы. Одно целое, диаметром 3 см, высотой 1,8 см (см. рис. 3, б), от второго сохранился фрагмент. Вылеплены из такого же запесоченного теста, что и горшки, декорированы солярным узором из отпечатков гребенчатого штампа. Являются характерными изделиями для баитовских и иткульских памятников [Зими́на, Зах, 2009, рис. 18, 24, 41]. Форма литейная — двустворчатая, предназначена для отливки прямоугольного втульчатого кельта с литыми декоративными валиками снаружи. Одна створка целая, другая на треть ширины сколота. Кельт отливался миниатюрный. Форма — прямоугольная, втульчатый с валиковым декором в виде двух горизонтальных линий и трех вертикальных, свисающих от устья кельта (см. рис. 3, 7, 8). Размер готового изделия — 4,7×3 см. Это известный тип урало-западносибирских кельтов. Орнамент в виде вертикальных валиков появляется в VI в. до н. э. [Халиков, 1977, с. 122–123].

Судя по мелким фрагментам шеек, сосудов насчитывается всего около 60 емкостей, происходят они как из жилищ рассмотренных раскопов, так и с межжилищного пространства в центре мыса. Это круглодонная посуда следующих форм: горшечные, баночные и мисковидные круглодонные (см. рис. 3, 4; 4, 1, 5, 6) из запесоченного теста. Преобладают широкогорлые горшки, они характеризуются короткой прямой или слабо отогнутой наружу короткой шейкой диаметром 18–25 см. По шейке нанесен ряд ямок или жемчужин. Бортик сосуда всегда прямой, насечен наклонными линиями или гребенкой. Декор присутствует только

на плечиках в виде ряда насечек, отпечатков углового штампа, оттисков гребенки (см. рис. 4; 6). Набор посуды выглядит обедненным, в комплексе отсутствуют как емкости малого размера, для жидких продуктов, так и емкости большого объема, предназначенные для хранения припасов. В байтовских памятниках известны узкогорлые горшки, чаши, миски [Стоянов, 1975, с. 122–123], в данном поселении, видимо, замененные кожаной и берестяной утварью.

Наземный характер построек, различия в интенсивности окраски слоя их заполнения, незначительная насыщенность керамикой, отсутствие крупных костей животных указывают на существование здесь кратковременно обитаемых жилищ. Постройки типа чумов, крытых берестой, не оставившие следов ямок от столбов, а только очаг и насыщенный органикой участок пола, а также строения в виде каркасно-столбовых конструкций исследованы на ряде поселений Нижнего Притоболья. Последние в ходе раскопок выглядят как образующие подпрямоугольные конфигурации системы ямок вокруг кострища с битой посудой внутри них, например иткульского Карагай-Аул-4 [Зими́на, Зах, 2009, рис. 51, 52]. Прямоугольные конфигурации имели постройки байтовского Носиловского-II поселения [Стоянов, 1975, с. 115]. Сходные остатки разновременных наземных построек в виде округлых площадок, ограниченных канавками, из которых брали грунт для присыпки стен, весьма характерны для таежной зоны (белоярская, калинкинская, кулайская культуры), в них проживали члены одного домохозяйства [Чемякин, 2008, рис. 49, 50, 62, 63, 72; Матвеева, 2015, рис. 5].

Культурный слой за пределами всхолмлений, оставшихся от присыпки стен, почти не выражен и обнаруживается по битой посуде. Мы полагаем, что все постройки существовали разновременно в рамках байтовской культуры. Они отражают хозяйствование, вероятно, в течение одного сезона, малой группы скотоводов и рыболовов, приходившей на это место в течение ряда лет, и ставившей новые строения рядом с обвалившимися, разбирая последние на дрова. Скорее всего, это была летняя стоянка отдельной семьи, члены которой занимались еще металлообработкой и прядением.

Как известно из этнографии, наземный тип построек был предназначен для проживания в теплое время года [Соколова, 1998, с. 24], летом скотоводы не забивали животных, а питались молочными продуктами, рыбой и дикоросами. Люди, оставившие после себя рассматриваемые остатки жизнедеятельности, использовали территорию с ее природными ресурсами сезонно. Обсуждая палеоэкологические аспекты проживания в лесной зоне древнего населения, П. А. Косинцев указывает, что на одном месте хозяйствовать мог лишь один коллектив при ведении им присваивающего хозяйства [Косинцев, 2004, с. 51–54]. Применительно к населению байтовской культуры возникает вопрос о балансе отраслей в его экономике и специализации отдельных районов в силу их природных особенностей. Можно предположить, что на севере ареала проживали скотоводы и рыболовы, разводившие лошадей как пригодных для зимней тебеневки животных при высоком уровне снежного покрова.

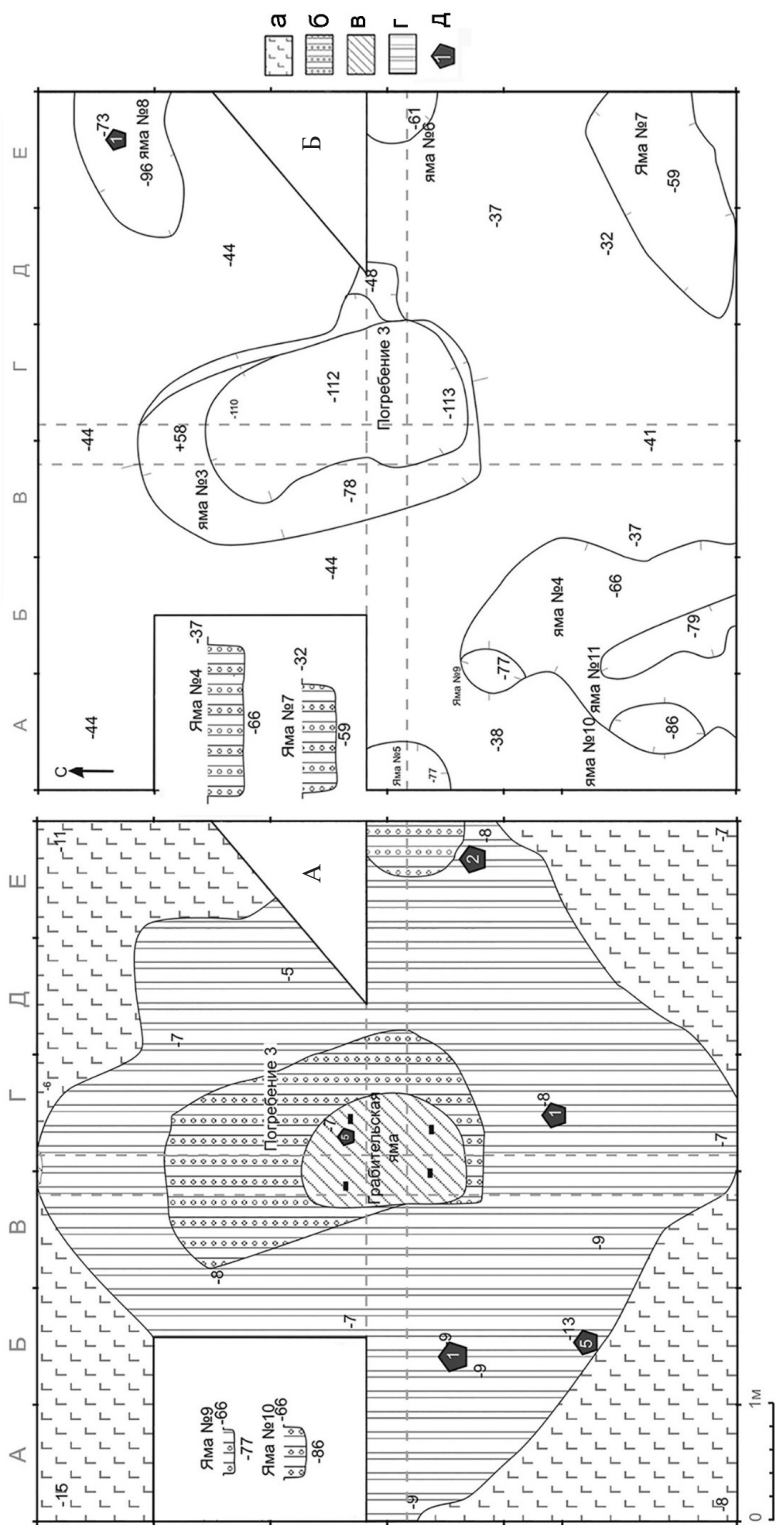

Рис. 5. Ревда-6. Планы раскопа 3: А — площадка под насыпью кургана 13; Б — остатки жилища на уровне материка. Условные обозначения: а — дерн; б — серо-коричневый песок; в — темно-серый песок; г — светло-коричневый песок; д — байтовская керамика с указанием количества

Рис. 6. Ревда-6. Фото керамики баитовской культуры из раскопа 1

Интересно отметить, что керамика из раскопов 2 и 3 почти тождественна одной из групп посуды иткульского поселения Карагай-Аул-1 (см. рис. 4, 9–14), расположенного на 60 км северо-восточнее по течению Тобола. Там она малочисленна и отмечена авторами раскопок как синхронный, но инокультурный, баитовский, компонент наряду с привнесенными извне материалами журавлевского типа [Зими́на, Зах, 2009, с. 160, рис. 47]. Баитовская керамика встречается на Чеганово-3, Калачик-1, Юртобор-3 и других поселениях, но там она своеобразна: более тонкостенная, шамотная, с карнизиками по бережку. Ее бытование О. Ю. Зимина и В. А. Зах определяют V–IV вв. до н. э. [Там же, с. 206, рис. 108], ориентируясь на датировку городища Калачик-1, хотя, как видим, появление баитовских комплексов в лесной зоне следует отнести как минимум к карагай-аульскому этапу раннего железного века Нижнего Притоболья. Разнокультурный характер керамики на кратковременно обитавшихся поселениях может говорить об активном обмене какой-то продукцией в керамической таре между соседними этническими группами, в том числе о поддержании брачных связей. Впрочем, памятников с баитовскими материалами в южно-лесной зоне Тоболо-Ишимья открыто несколько десятков, и правомерен вывод о частичном проникновении лесостепного населения в северную тайгу вплоть до устья Вагая [Исследование поселения... , 2009, рис. 5; Зах, Цембалюк, 2013, с. 64–65; Цембалюк, 2017, с. 9].

Довольно скромный инвентарь из малых домов приречных поселений баитовской культуры ярко контрастирует со случайными находками кочевнического вооружения и конской упряжи VII–VI вв. до н. э. из музеев Курганской

области [Матвеева, 1989, рис. 8], что создает впечатление контроля территории лесостепи кочевыми саками. Единичные погребения кочевников этого времени в могильниках Прыговском, Карасье-9, Улановка [Корякова, Шарапова, Ковригин, 2010; Матвеев, 2015; Зеленков, Овчинников, 2024] с оружием, но без керамики его усиливают. Поэтому актуальным становится исследование городищ для выяснения всего культурного разнообразия рассматриваемой эпохи.

В методическом аспекте анализ памятника иллюстрирует феномен «натурации», то есть воздействия природных факторов на характер отложения и локализации остатков человеческой деятельности [Сорокин, 2004а; 2004б]. Всегда имеет место компрессия следов многократного обитания и разового посещения в один культурный слой, это касается объектов всех эпох, особенно возникших в результате охотничье-рыболовческого хозяйствования на песчаных почвах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бельтикова, Г. В. Иткульские поселения / Г. В. Бельтикова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск : Издательство Уральского государственного университета, 1977. — С. 119–133.
2. Зах, В. А. Комплексы раннего железного века и Средневековья городища Калачик-1 в Нижнем Притоболье / В. А. Зах, С. И. Цембалюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — Вып. 3 (22). — С. 54–66.
3. Зеленков, А. С. Комплексы начала эпохи раннего железного века (VII–VI вв. до н. э.) из лесостепного Притоболья (могильник Карасье-11) : предварительное сообщение / А. С. Зеленков, И. Ю. Овчинников. — Тюмень, 2024. — [В данном сборнике].
4. Зимина, О. Ю. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков / О. Ю. Зимина, В. А. Зах. — Новосибирск : Наука, 2009. — 232 с.
5. Исследование поселения Чечкино-4 в Ярковском районе Тюменской области / С. И. Цембалюк, О. Ю. Зимина, Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — Вып. 2 (11). — С. 54–66.
6. Корякова, Л. Н. Прыговский-2 могильник : кочевники и лесостепь / Л. Н. Корякова, С. В. Шарапова, А. А. Ковригин // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 2 (27). — С. 62–71.
7. Косинцев, П. А. Формирование АМР : процессы и модели / П. А. Косинцев // Археологические микрорайоны Северной Евразии : материалы научной конференции. — Омск, 2004. — С. 51–54.
8. Матвеев, А. В. Раскопки курганного могильника Улановка / А. В. Матвеев // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. — Вып. 7. — С. 26–35.
9. Матвеева, Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи / Н. П. Матвеева // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 1989. — С. 77–102.

10. Матвеева, Н. П. Остяцкий Живец-2 и проблема интерпретации памятников северной тайги / Н. П. Матвеева // *AB ORIGINE : археолого-этнографический сборник*. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. — Вып. 7. — С. 36–57.
11. Матвеева, Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза в лесостепной и подтаежной зоне) / Н. П. Матвеева. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2016. — 267 с.
12. Матвеева, Н. П. Поминальные обряды раннесредневекового могильника Ревда-5 в Западной Сибири / Н. П. Матвеева // *Российская археология*. — 2018. — № 1. — С. 36–46.
13. Рафикова, Т. Н. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища / Т. Н. Рафикова, Н. П. Матвеева, С. В. Берлина // *AB ORIGINE : археолого-этнографический сборник*. — Тюмень : Издательство «Три Т», 2008. — Вып. 2. — С. 85–113.
14. Соколова, З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии) / З. П. Соколова. — Москва : ИПА «ТриЛ», 1998. — 288 с.
15. Сорокин, А. Н. Смещение традиций или традиции смешения / А. Н. Сорокин // *Российская археология*. — 2004а. — № 1. — С. 71–78.
16. Сорокин, А. Н. Смещение традиций или традиции смешения / А. Н. Сорокин // *Российская археология*. — 2004б. — № 2. — С. 111–119.
17. Стоянов, В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века / В. Е. Стоянов // *Краткие сообщения Института археологии*. — 1969. — Вып. 119. — С. 52–61.
18. Стоянов, В. Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века / В. Е. Стоянов // *Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. — Томск : Издательство Томского государственного университета, 1970. — С. 238–253.
19. Стоянов, В. Е. Носиловское-II поселение (о зауральских памятниках начала железного века) / В. Е. Стоянов // *Вопросы археологии Урала*. — Свердловск : Издательство Уральского государственного университета, 1975. — Вып. 13. — С. 115–136.
20. Халиков, А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н. э. / А. Х. Халиков. — Москва : Наука, 1977. — 264 с.
21. Цембалюк, С. И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Приоболье : автореф. ... канд. ист. наук / С. И. Цембалюк. — Тюмень, 2017. — 20 с.
22. Чемякин, Ю. П. Барсова Гора : очерки археологии Сургутского Приобья. Древность / Ю. П. Чемякин. — Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. — 224 с.
23. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997 / M.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov [et al.] // *Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale*. — Paris : Diffusion de Broccard, 2002. — Vol. XI. — 291 p.